

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 2. С. 11–31.

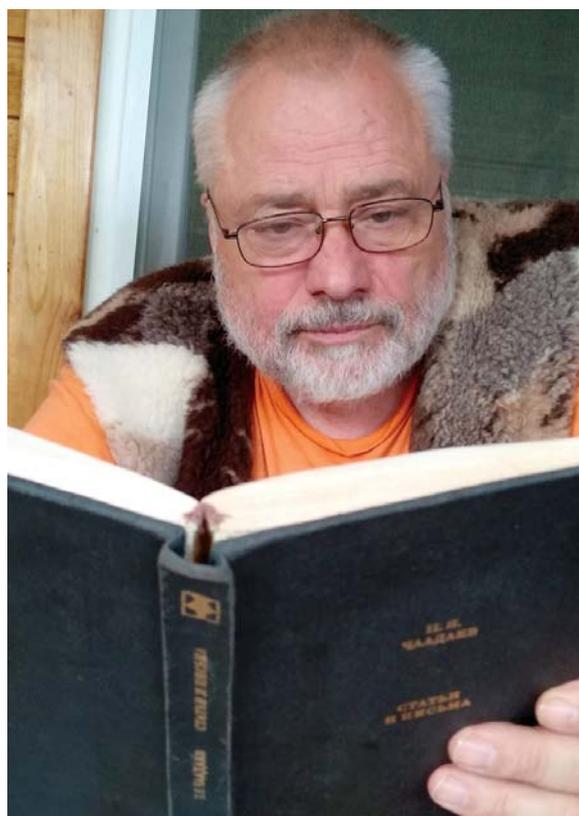
Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2023. Vol. 6, no. 2. P. 11–31.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2023-6-2-11-31

США VS ЕВРОПА, ИЛИ «ТРЕСТ Д. Е.» ИЛЬИ ЭРЕНБУРГА

Владимир Карлович Кантор

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, vlkantor@mail.ru

Аннотация. Автор обращается к роману Ильи Эренбурга «Трест Д. Е. История гибели Европы», написанному в 1923 году. Он был опубликован берлинским издательством «Геликон» и выдержал потом несколько десятков переизданий. В этом году можно отметить столетие этого текста. Как полагает автор, этот странный роман даже и не роман вовсе, а что-то вроде романизированного апокалипсиса. Сам Эренбург писал в мемуарах, что он Европу не отпевал, что его роман — история гибели Европы в результате деятельности

© Кантор В. К., 2023

американского треста, что это сатира; писатель мог бы ее написать и сейчас с подзаголовком — «Эпизоды третьей мировой войны». Беглецы из Западной Европы, попав на другой континент, в Северную Америку, в среду туземцев, не очень-то довольных нашествием чужаков, начали их истреблять, пока не превратили континент в территорию, свободную от коренных жителей. Актуальность романа сегодня понятна, особенно если смотреть, как разворачивается удушение Европы с помощью прокси-войны на Украине, когда отчетливо вырисовывается, какую роль в этом удушении играют Соединенные Штаты.

Ключевые слова: Эренбург, Мейерхольд, Европа, гибель, США, Азия, американские миллиардеры, европейская пустыня, желтый дьявол

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Кантор В. К. США vs Европа, или «Трест Д. Е.» Ильи Эренбурга // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 2. С. 11–31. doi:10.17323/2658-5413-2023-6-2-11-31.

From the Editor

USA VS EUROPE, OR ILYA EHRENBURG'S "D. E. TRUST"

Vladimir K. Kantor

National Research University "Higher School of Economics" (HSE University),
Moscow, Russia, vlkantor@mail.ru

Abstract. The author refers to the novel by Ilya Ehrenburg "D. E. Trust. History of the death of Europe", written in 1923. It was published by the Berlin publishing house "Helikon" and then went through several dozen reprints. This year we can celebrate the centenary of this text. As the author believes, this strange novel is not even a novel at all, but something like a romanized apocalypse. Ehrenburg himself wrote in his memoirs that he did not bury Europe, that his novel is the story of the death of Europe as a result of the activities of the American trust, that it is satire; the writer could write it now with the subtitle — "Episodes of the Third World War". Escapees from Western Europe, having got to another continent, to North America,

among the natives, not very happy with the invasion of strangers, began to exterminate them until they turned the continent into a territory free of indigenous inhabitants. The relevance of the novel is clear today, looking at how the strangulation of Europe unfolds with the help of the proxy war in Ukraine, when it clearly emerges what role the United States plays in this strangulation.

Keywords: Ehrenburg, Meyerhold, Europe, doom, USA, Asia, American billionaires, European desert, yellow devil

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Kantor, V. K. (2023) “USA vs Europe, or Ilya Ehrenburg’s ‘D. E. Trust’”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(2), pp. 11–31. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2023-6-2-11-31.

Прогностический гений Эренбурга, написавшего два геополитических романа, очевиден. В романе «Хулио Хуренито» (1921) он предсказал и грядущий Холокост, и ядерную бомбежку Соединенными Штатами Японии, и невероятный подъем мусульманства, и в образе студента Карла Шмидта показал немца, одновременно и социалиста, и националиста, на стене которого висели портреты кайзера Вильгельма и Карла Маркса. Вскоре он опубликовал роман «Трест Д. Е. История гибели Европы» (1923). В этом году стоит отметить столетие этого текста, глядя, как разворачивается удушение Европы с помощью прокси-войны на Украине, и понимая, какую роль в этом удушении играют Соединенные Штаты. Надо сказать, что за эти годы было немало текстов, говоривших о конце Европы.

Илья Эренбург в 1920-е годы

Как писал Эренбург в мемуарах, «я Европу не отпевал. Мой роман “Трест Д. Е.” — история гибели Европы в результате деятельности американ-

ского треста. Это сатира; я мог бы ее написать и сейчас с подзаголовком — “Эпизоды третьей мировой войны”. Европа для меня была не кладбищем, а полем битвы, порой милым, порой не милым: такой я ее видел юношей в Париже, такой нашел в тревожном Берлине 1922 года» [Эренбург, 1990, с. 397]. Роман был опубликован берлинским издательством «Геликон».

Этот странный роман даже и не роман вовсе, а что-то вроде романизированного апокалипсиса. Можно в нем увидеть иудейскую способность к угадыванию движения истории. Во всяком случае, хотелось бы обратить на нее внимание читателя.

Вообще-то, тема гибели Западной Европы звучала в России, начиная по крайней мере с А. С. Хомякова («Мечта», 1835):

О, грустно, грустно мне! Ложится тьма густая
На дальнем Западе, стране святых чудес:
Светила прежние бледнеют, догорая,
И звезды лучшие срываются с небес.
А как прекрасен был тот Запад величавый!
Как долго целый мир, колена преклонив
И чудно озарен его высокой славой,
Пред ним безмолвствовал, смирен и молчалив.
Там солнце мудрости встречали наши очи,
Кометы бурных сеч бродили в высоте,
И тихо, как луна, царица летней ночи,
Сияла там любовь в невинной красоте.
Там в ярких радугах сливались вдохновенья,
И веры огонь живой потоки света лил!..
О! никогда земля от первых дней творенья
Не зрела над собой столь пламенных светил!
Но горе! век прошел, и мертвенным покровом
Задрнут Запад весь. Там будет мрак глубок...
Услышь же глас судьбы, воспрянь в сияньи новом,
Проснися, дремлющий Восток!

[Хомяков, 1969]

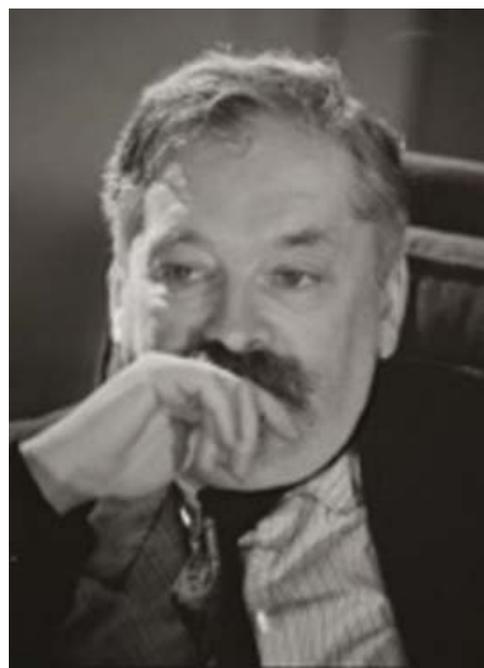

В. А. Серов. Похищение Европы. 1910

В XX веке, особенно после страшной войны, воспринятой многими как самоубийство Европы, пафос Хомякова получил подтверждение. Тут кстати оказался и Шпенглер, выпустивший в 1918 году свой великий трактат «Der Untergang des Abendlandes», или «Закат Запада», в общепринятом русском переводе звучавший как «Закат Европы». В 1914 году вышла в России статья Григория Ландау «Сумерки Европы», в 1923-м разросшаяся в книгу.

Потрясающий русский художник Валентин Серов вдруг за несколько лет до войны обратился к мифологическому сюжету о том, как Зевс в образе быка похитил прекрасную финикиянку Европу. Напомню, что бык всегда был символом войны: странное предчувствие художника, что война погубит Европу. Разгромлены оказались все страны-участницы.

В 1917–1918 годах великий русский мыслитель и писатель Марк Алданов опубликовал «Армагеддон» — две книги диалогов между Химиком и Писателем на общественно-политические и философские темы о войне и большевистском перевороте. Тираж «Армагеддона» был немедленно конфискован большевиками, а книга запрещена. Там он сформулировал неожиданную для многих идею: «Как бы то ни было, главный победитель в европейской войне уже известен: это

Марк Александрович Алданов
(1886–1957)

Скальп. Музей Карла Фридриха Мая, г. Радебойль, Германия

Северо-Американские Соединенные Штаты. Известен и главный побежденный; человеческий разум» [Алданов, 2006, с. 9].

Тема Североамериканских штатов и в XIX веке звучала в России: зачитывались романами Фенимора Купера, читали Эдгара По, переживали войну за освобождение рабов (аболиционизм) — это казалось чем-то вроде отмены крепостного права, — глубоко не вдумываясь в судьбу этой молодой державы. Пожалуй, только Чаадаев заметил массовое истребление приехавшими белыми индейцев, то есть уничтожение коренного населения. Надо вспомнить, что беглецы из Западной Европы, попав на другой континент, в Северную Америку, в среду туземцев, не очень-то довольных нашествием чужаков, начали их

истреблять, пока не превратили континент в территорию, свободную от коренных жителей.

Индейцы время от времени в войнах скальпировали убитых врагов. Но европейцы сделали скальпирование способом коммерческой стимуляции индейцев и белых, для службы той или иной воюющей стороны. Скальп можно было превратить в деньги, обменять на оружие и необходимые товары. Он быстро утратил свое сакральное значение, превратившись в разменную монету. В это время скальпирование получило массовое распространение и достигло чуть ли не промышленных масштабов. Голландское, а затем и английское правительство стали назначать награду за скальпы, то есть за убитых индейцев. В 1641 году губернатор британской колонии Новые Нидерланды впервые установил награду за индейские скальпы. 26 июля 1722 года в Бостоне была обнародована декларация, провозгласившая войну индейцам, и одним из ее пунктов было положение, которое предписывало выдачу вознаграждения за снятые скальпы. В 1725 году белые поселенцы колонии Нью-Гэмпшир впервые сняли скальпы с десяти индейцев, за что получили награду от властей — по 100 фунтов за скальп. Происхождение скальпа никого не волновало, поэтому нередко снимали его не только с индейцев, но и с врагов среди собственных соплеменников. Женский, стариковский или детский скальп стоил меньше, но это мало кого из охотников за скальпами останавливало. «На цену влиял и размер скальпа. В 1724 г. колония Массачусетс предлагала 500 долларов за

скальп краснокожего, а в 1755 г. та же колония предлагала 200 долларов за мужской скальп краснокожего старше 12-ти лет, а за скальп краснокожей женщины или ребенка 100 долларов»¹. Уничтожить индейцев руками самих индейцев — это было гениальное промышленное решение вопроса.

Если говорить о русской мысли, то напомним мысль Герцена о соотношении России и США. Для Герцена, отрицательно относившегося к идее истории, эти две страны представляли безусловный интерес. Они выпадали из истории. «Клячу истории загоним!» — писал Маяковский. Герцен полагал, что сила России по сравнению с Европой заключается в том, что у нее нет прошлого, которое хотелось бы сохранить. Поэтому Россия как бы судьбой предназначена для сокрушительной революции. Но, как показала жизнь, прошлого не было и нет у США — они его ищут, не находя, покупают. Есенин, попавший в Штаты с Айседорой Дункан, писал, вернувшись:

Сергей Есенин и Айседора Дункан. 1920

Нравы американцев напоминают незабвенной гоголевской памяти нравы Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Как у последних не было города лучше Полтавы, так и у первых нет лучше и культурней страны, чем Америка. «Слушайте, — говорил мне один американец, — я знаю Европу. Не спорьте со мной. Я изъездил Италию и Грецию. Я видел Парфенон. Но все это для меня не ново. Знаете ли вы, что в штате Теннесси у нас есть Парфенон гораздо новей и лучше?»

От таких слов и смеяться, и плакать хочется.

[Есенин, 1997, с. 172]

* * *

Герцен писал:

Северо-Американские штаты и Россия — два полюса той социально-гражданской антиномии, к которой примыкает западное развитие со всеми своими

¹ URL: <https://aftershock.news/?q=node/546580&full> (дата обращения: 02.05.2023).

перестройками и переворотами... Школа для них не обязательна, наследственных долгов на них нет. С прошедшим их не связывает ни родовая честь, ни дворянский *point d'honneur*, они могут отказаться от него, не бесславя отцовского имени, его никто не знает. У них нет майоратов, полученных на ряде условий, — в Америке все благоприобретенное, в России одни засеянные поля. Там, где Европа считается невозможным, нелепым, гибельным, там очью совершается, и вот почему для меня гораздо интереснее все, что творится в Америке и в России, чем все, что делается в Европе, от Стокгольма до Лиссабона.

[Герцен, 2010, с. 618–619]

И тем не менее разница становления этих двух стран колоссальная. США выросли на уничтожении местного населения (практически под корень), имея колоссальный запас цивилизационных наработок. Россия выбиралась из многовекового рабства, с трудом распрямляясь, пытаясь усвоить хотя бы начатки цивилизации, которые североамериканцам были даны исходно. У России было прошлое в несколько веков — и героическое (Киевская Русь), и трагическое (века татарского ига). А как писал Пушкин, татары не принесли нам ни алгебры, ни Аристотеля. Россия выбиралась не с нуля, а из минусовой ситуации. У США и в самом деле практически не было прошлого, тем более героического. Уничтожение индейцев, несмотря на вестерны, героизмом назвать нельзя.

И понимание большими русскими писателями этой страны было такое, над которым стоит задуматься. У Чернышевского в романе «Что делать?» Дмитрий Лопухов, инсценировав самоубийство, уезжает в США, там натурализуется с помощью аболиционистов, получает гражданство и возвращается как Чарльз Бьюмонт, солидный и обеспеченный человек. Пребывание в США оказалось пребыванием в некоем пространстве, в волшебном заколдованном мире, откуда человек выходит преображенным. Ситуация очевидной магии.

Для Достоевского очевидно, что Северная Америка — *это тот свет*. То есть тоже магическое нечеловеческое пространство. В «Преступлении и наказании» любопытно описание самоубийства Свидригайлова как путь в Америку, то есть на тот свет. Эвфемизм «поехал в Америку» в смысле «покончил жизнь самоубийством» звучит в предсмертном разговоре Свидригайлова со сторожем, стоящим у ворот «большого дома с каланчой», которого повествователь называет, поскольку тот в каске пожарника, Ахиллесом:

- Я, брат, еду в чужие края.
- В чужие края?
- В Америку.

— В Америку?
Свидригайлов вынул револьвер и взвел курок. Ахиллес приподнял брови.
— А-зе, сто-зе, эти сутки (шутки) здесь не места!
— Да почему же бы и не место?
— А потому-зе, сто не места.
— Ну, брат, это всё равно. Место хорошее; коли тебя станут спрашивать, так и отвечай, что поехал, дескать, в Америку.
Он приставил револьвер к своему правому виску.
— А-зе здесь нельзя, здесь не места! — встрепнулся Ахиллес, расширяя всё больше и больше зрачки.
Свидригайлов спустил курок.

[Достоевский, 2016, с. 442]

В «Бесах» Шатов рассказывает повествователю:

— Я про Кириллова. Мы с ним там четыре месяца в избе на полу пролежали.
— Да разве вы ездили в Америку? — удивился я; — вы никогда не говорили.
— Чего рассказывать. Третьего года мы отправились втроем на эмигрантском пароходе в Американские Штаты на последние деньжишки, «чтобы испытать на себе жизнь американского рабочего и таким образом личным опытом проверить на себе состояние человека в самом тяжелом его общественном положении». Вот с какою целью мы отправились.
— Господи! — засмеялся я, — да вы бы лучше для этого куда-нибудь в губернию нашу отправились в страдную пору, «чтоб испытать личным опытом», а то понесло в Америку!
— Мы там нанялись в работники к одному эксплуататору; всех нас русских собралось у него человек шесть, — студенты, даже помещики из своих поместий, даже офицеры были, и всё с тою же величественною целью. Ну и работали, мокли, мучились, уставали, наконец я и Кириллов ушли — заболели, не выдержали. Эксплуататор-хозяин нас при расчете обсчитал, вместо тридцати долларов по условию заплатил мне восемь, а ему пятнадцать; тоже и бивали нас там не раз. Ну тут-то без работы мы и пролежали с Кирилловым в городишке на полу четыре месяца рядом; он об одном думал, а я о другом.

[Достоевский, 2021, с. 121–122]

У Кириллова произошла магическая возгонка — преодолеть Бога посредством самоубийства, а у Шатова укрепилась идея о величии России помимо

Бога. В конечном счете оба становятся жертвами российских бесов, против которых американская жизнь не придумала противоядия. Если теперь вернуться к словам Алданова, что ужас европейской войны пережила только Америка, став победительницей на разрушенном европейском пространстве, как некогда с индейцами, то стоит вспомнить еще и горьковское определение Нью-Йорка как «города желтого дьявола». Дьявол золота и помог Штатам уцелеть и начать борьбу за власть над миром.

А вот и Бердяев о нашествии Америки на Европу:

Центр тяжести Западной Европы, по всей вероятности, передвинется еще более на Запад, в Америку, могущество которой очень возрастет после окончания войны. Да и американизм новейшей цивилизации тянет Европу в Америку. Восток — один выход за пределы европейской культуры, Америка — другой выход. Европа перестанет быть центром мировой истории, единственной носительницей высшей культуры.

[Бердяев, 1918, с. 125]

Дьявол, как известно, обосновался далеко от Европы, за океаном, так что добраться до него было невозможно. Самолеты тогда не летали так далеко, ракет не было, а корабли спокойно могли быть уничтожены с берега. Дьявол был неуязвим, как и положено мифологическому персонажу. На эту ситуацию ответил мифологической поэмой «150 000 000» (1919–1920) Маяковский, создав некоего мифического Ивана, персонифицировавшего как бы весь советский народ, Ивана — гиганта, который идет через моря и горы, проходит океан. И вступает в схватку с гигантом, персонажем из США, президентом Вудро Вильсоном, то есть, по ощущению поэта, в мире осталось две противоборствующие силы — США и Советская Россия.

Владимир Владимирович
Маяковский (1893–1930)

Одни к Ивану бегут
с простертыми
руками,
другие — к Вильсону стремглав.
Из мелких фактов будничной тины

выявился факт один:

вдруг

уничтожились все середины —
нет на земле никаких средин.

[Маяковский, 1956, с. 145]

Вообще, похоже, что это были годы самых невероятных геополитических фантазий. «Трест Д. Е.» — тоже фантазия, но более похожая на реальность. Иван, конечно, побеждает американского буржуя. И поэма кончается всемирным ликованием:

Парад мировой расхотелся ровно, —
ведь горе давнишнее душу не бесит.

Годами

печаль

в покой воркестрована
и песней брошена ввысь поднебесить.

[Там же, с. 163]

Вот тут мы и возвращаемся к роману Эренбурга. «Д. Е.» расшифровывается как «Даешь Европу!», то есть как клич буденновцев, идущих в атаку. Формула немного хулиганская, впрочем, как и имя главного героя первого его романа — Хулио Хуренито. Но это звучало вполне реалистически. Да и сегодня кажется, что читаешь не роман, написанный сто лет назад, а видишь теперешнюю ситуацию, ибо опять звучит в западной прессе, что главная угроза для всего мира исходит от России. И радость — в надежде на поражение России. Вот цитаты из романа:

⟨...⟩ председатель польского кабинета, господин Тшетешевский, принимал лидеров политических фракций сейма.

Я должен сделать вам радостное, но совершенно конфиденциальное сообщение. В сентябре месяце прошлого года мы, а также и союзное румынское правительство, получили от нашей могущественной союзницы-покровительницы Франции предложение уничтожить Россию, которая являлась единственной черной точкой на светлом европейском горизонте. Мы ответили, разумеется, согласием. ⟨...⟩ Итак, первого января мы приступили к осуществлению нашего плана, и ныне я могу сообщить вам отрадные новости, господа: Москвы, Петербурга, Киева и других гнезд насильников больше не существует! Россия погибла.

Все лидеры патриотических фракций сейма от умиления прослезились и трижды пропели: «Еще Польша не сгинела!..» (...)

Но Чугу было не до французских комплиментов. Он бежал и кричал:

— Товарищи, ворочай оглобли. Идем бить их! Мать!.. Даешь Европу!.. (...)

— Даешь Европу!

Беженцы останавливались, с минуту нерешительно моргали глазами, а потом поворачивали на запад. К вечеру уже не менее трехсот тысяч человек шло навстречу незримому врагу. Слух о походе дошел до Поволжья. Оттуда снялись миллионы. Люди шли с юга и с севера.

Шестого января Совнарком объявил войну. С кем Республика воюет, официально оставалось неизвестным, в декрете значилось туманно — «С империалистическими хищниками». Но вся Россия, которая гневной лавиной неслась на запад, хорошо знала, кто ее враг, и вся Россия, проходя по разрушенным городам, уже занесенными январским снегом, кричала:

— Эй! Эй! Да-еешь Европу!..

Шла Красная армия, и шли школьники первой ступени. Шли очкастые марксисты и татары в тюбетейках. Шли бабы, старики, ребята. У красноармейцев были пулеметы. Некоторые крестьяне тащили с собой старые винтовки. Большинство было вооружено дубинами. Общая численность этой необычайной армии достигала двадцати восьми миллионов человек.

Поляки и румыны не дремали. Над ордами людей день и ночь кружили самолеты, скидывая бомбы. Центрифуги энергично работали. Были пущены в ход и удушливые газы. Из двадцати восьми миллионов человек больше половины, а именно шестнадцать миллионов, погибло, не дойдя до границы Республики. Но уцелевшие шли вперед, и никакие центрифуги остановить их уже не могли. (...)

Двенадцать миллионов прорвали все преграды. Они ворвались в Польшу и Румынию. Они уничтожили центрифуги «Дивуар Эксцельзиор».

1 января погибла Москва.

17 февраля была взята Варшава.

24 февраля пал Бухарест.

26 февраля господин Феликс Брандево разговаривал по прямому проводу с военным атташе, капитаном Лебазом, находившимся в Кракове.

— Русские подходят к германской пустыне, — сказал капитан Лебаз. — Они кричат нечто странное: «Даешь Европу», — и не боятся ничего, вы меня слышите, абсолютно ничего. Двадцать восемь центрифуг погибло. Они хотят пройти пустыню и ворваться во Францию.

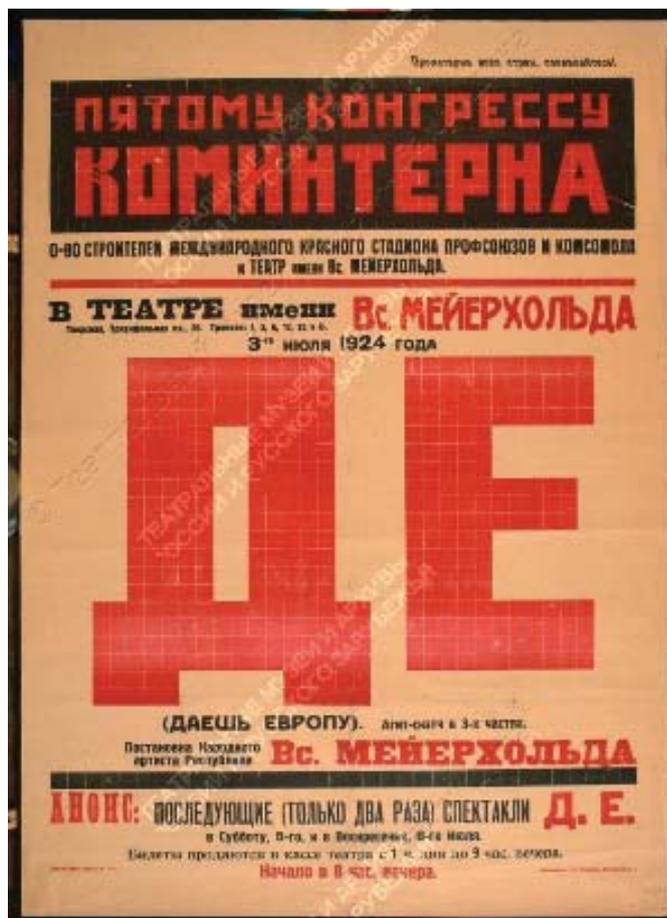
Отойдя от аппарата, господин Феликс Брандево вызвал лучшего знатока русской литературы академика Делена.

— Как перевести «Даешь Европу»? — спросил г-н Феликс Брандево.
 — Это непереводаемо, — ответил академик. — Это неблагозвучно, это невежливо и, главное, это очень неприятно. Я вам желаю, дорогой министр, никогда не слышать этих слов.

[Эренбург, 1962, с. 299–302]

Мейерхольд, прочитав этот роман, решил сделать на его основе театральное революционное шоу в духе поэмы Маяковского. Как пишут театроведы, «в мае 1923 года берлинское издательство “Геликон” выпустило новую книгу И. Г. Эренбурга — фантастический роман “Трест Д. Е. История гибели Европы”, где рассказывалось о том, как американские империалисты задумали уничтожить Европу, и к 1940 году на месте цветущего континента образовалась безлюдная пустыня. Книга имела большой успех, летом ее уже издали в СССР — сначала в Харькове, затем в Москве, — а в начале сентября И. Эренбург, живший тогда в Берлине, встретился с приехавшим туда Мейерхольдом. Всеволод Эмильевич роман успел прочитать, заинтересовался им и предложил Эренбургу сделать из романа пьесу, объяснив, что это должно быть нечто вроде циркового представления с агитационным апофеозом. Эренбургу заниматься этим не хотелось, но, зная настойчивость Мейерхольда и его свойство не отступать от задуманного, он решил потянуть время и обещал подумать» [Попов, 1995].

В 1924 году ему попала в глаза крохотная заметка из только что вышедшего в Москве театрального журнала «Зрелища», где говорилось, что в Театре им. Мейерхольда принята к постановке инсценировка Подгаецкого «Трест Д. Е.» по Эренбургу и по «Туннелю» Келлермана. Драматическая переработка инсценировки проводится драматической коллегией режиссера Гэктемаса. Ставит Вс. Мейерхольд.

Афиша спектакля Мейерхольда

Эренбург был пронизательный реалист, несмотря на мифологический вроде бы сюжет. Читаешь его роман — прямо сегодняшние крики о главной опасности со стороны России. Ощущение свежей газеты и последних новостей. Роман пережил свое время. И вероятная гибель Европы тоже вновь возникает.

Но важно подчеркнуть, что Эренбург остается в каком-то смысле мифологом-реалистом. Он опирается на древнегреческий миф о похищении Зевсом в образе быка красавицы Европы. Главный герой романа некий Енс Боот вполне мифологичен, ибо появляется на свет от случайного четырехминутного сексуального каприза принца Монако, согрешившего с девственной голландкой. Его отвергает некая красотка Люси Фламенго, которую он именуется финикиянкой и воплощенной Европой. И далее в некоем заколдованном кругу он сравнивает себя с Зевсом, с быком, хочет мстить Европе и вдруг в публичном доме случайно берет потрепанную книгу, в которой рассказывается об Учителе, о Хулио Хуренито. То есть читает первый роман Эренбурга. Совершенно сказочная история. К своей мести он привлекает трех тупых (так и изображенных) американских миллиардеров, организует «Трест Д. Е.» — и губит с их помощью Европу. Вот первый из этой тройки, владелец крупнейшей фабрики мясных консервов мистер Твайт записывает в блокнот свои планы на ближайшее время:

1. Выяснить, кому сбывают Черсы желудочные пузыри и на какую сумму.
2. Доказать окончательно, что человек произошел от лягушки (открыл я. — Т.).
3. Уничтожить Европу.

[Там же, с. 241]

Остальные в таком же стиле.

Мейерхольд с большевистским напором хотел, чтобы писатель изобразил не гибель Европы, спонсированную США, а победу Советов над буржуазной Америкой. То есть, строго говоря, хотел совсем иного текста. Эренбург отказался. Трезвый ум и врожденный скепсис удержали его от участия в проекте Мейерхольда.

В мемуарах Эренбург вспоминал:

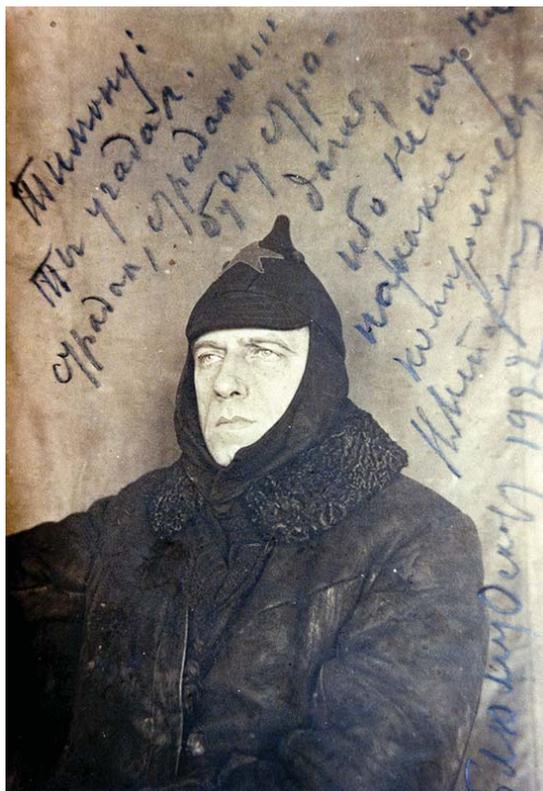
Приехав в Советский Союз, я прочитал, что Мейерхольд готовит пьесу «Трест Д. Е.», написанную неким Подгаецким «по романам Эренбурга и Келлермана». Я понял, что единственный довод, который может остановить Мейерхольда, — сказать, что я хочу сам инсценировать роман для театра или для кино. В марте 1924 года я написал ему, начав «Дорогой Всеволод Эмильевич» и кончив «сердечным приветом»: «Наше свидание прошлым летом, в частно-

сти беседы о возможности переделки мною “Треста”, позволяют мне думать, что Вы дружелюбно и бережно относитесь к моей работе. Поэтому решаюсь первым делом обратиться к Вам с просьбой, если заметка верна, отказаться от этой постановки... Я ведь не классик, а живой человек...»

Ответ был страшен, в нем сказало неистовство Мейерхольда, и никогда бы я о нем не рассказал, если бы не любил Всеволода Эмильевича со всеми его крайностями. «Гражданин И. Эренбург! Я не понимаю, на каком основании обращаетесь Вы ко мне с просьбой “отказаться от постановки” пьесы т. Подгаецкого? На основании нашей беседы в Берлине? Но ведь эта беседа в достаточной мере выяснила, что, если бы даже Вы и взялись за переделку Вашего романа, Вы сделали бы пьесу так, что она могла бы быть представлена в любом из городов Антанты, но в моем театре, который служит и будет служить делу Революции, нужны пьесы тенденциозные, такие пьесы, которые имеют в виду одну цель: служить делу Революции. Напоминаю: от проведения коммунистических тенденций Вы решительно отказались, указывая на Ваше в отношении социальной революции безверие и на Ваш природный пессимизм. В течение всего этого сезона Вы не предлагали мне Вашей пьесы...»

Я не был на спектакле; судя по отзывам друзей и по статьям расположенных к Мейерхольду критиков, Подгаецкий написал слабую пьесу. Всеволод Эмильевич поставил ее интересно: Европа гибла шумно, убегали щиты декораций, актеры впопыхах перепугивались, грохотал джаз. За меня неожиданно вступился Маяковский; на обсуждении постановки «Треста Д. Е.» он сказал о переделке: «Пьеса Д. Е.— абсолютный нуль... Переделывать беллетристические произведения в пьесу может только тот, кто выше их авторов, в данном случае Эренбурга и Келлермана». Спектакль, однако, имел успех, и табачная фабрика «Ява» выпустила папиросы «Д. Е». А я из-за этой глупой истории в течение семи лет не встречался с Всеволодом Эмильевичем...

[Эренбург, 1990, с. 330–331]

Мейерхольд как буденновец. 1922

Немного в сторону, чтобы дать хотя бы небольшой абрис Мейерхольда: режиссер был абсолютным фанатом военного коммунизма, на репетиции ходил с маузером, который клал перед собой на стол, наблюдая игру актеров. С актерами он был жесток. Алексей Толстой изобразил режиссера в образе Карабаса-Барабаса, от которого бежали куклы-актеры. Он носил огромный красный шарф, концы которого прятал в карманы, как Карабас-Барабас свою бороду. Мейерхольд, конечно, жил на пересечении игры и реальности. Вся его жестокость, мне кажется, была своего рода принятой ролью. Но реальность догнала его.

В 1930 году, за восемь лет до ареста, во время гастролей ГосТиМа в Берлине Всеволод Мейерхольд встретился с Михаилом Чеховым, уже уехавшим на Запад.

«Я старался передать ему мои чувства, скорее предчувствия, об его страшном конце, если он вернется в Советский Союз. Он слушал молча, спокойно и грустно ответил мне так (точных слов я не помню): с гимназических лет в душе моей я носил Революцию и всегда в крайних, максималистских ее формах. Я знаю, вы правы — мой конец будет таким, как вы говорите. Но в Советский Союз я вернусь. На вопрос мой — зачем? — он ответил: из честности», — так рассказывает о подробностях состоявшегося разговора Михаил Чехов в своих воспоминаниях.

[Ишков, 2020]

Как известно, Эренбург был не только гениальным писателем, но и отличался большой личной храбростью, что доказывал постоянно — и участием в Испанской войне, и ежедневными (!) статьями в газетах во время Великой Отечественной, когда бойцы просили привезти им патроны и статьи Эренбурга. Адольф Гитлер объявил его злейшим врагом Германии и лично распорядился поймать и повесить. Он доказал свою непреклонность и своими мужественными письмами Сталину. Он всегда был верен себе. Не случайно именно ему принадлежат ключевые понятия тех лет от «Дня Победы» до «оттепели». Но марионеткой в руках даже великого режиссера он быть не хотел. Знал себе цену.

А вот хорошее послесловие к относительно недавнему изданию романа:

Америка и Европа...

Европа и Америка...

Столкновение их культур и философских систем, приведшее к гибели Европы, — вот, как кажется, главное, ради чего Трест Д. Е. писался, вот о чем Илья

Эренбург прокричал своим романом в 1923 году и вот что не услышала критика двадцатых годов, сделав акцент на классово-социальных и политических проблемах произведения.

Америка и Европа...

Европа и Америка...

Смертельное для Европы столкновение продиктовано не только и не столько экономической или политической экспансией Америки, сколько взаимосоисключающими друг друга целями и задачами жизни, производными которых являются и экономика, и политика.

Культура Версаля, Сикстинской мадонны — и культура Диснейленда!

Слепой не заметит их вражды.

[Ефимов, 1994, с. 269]

А как же Эдгар По, Марк Твен, Хемингуэй, Фолкнер? Они ведь тоже из США!

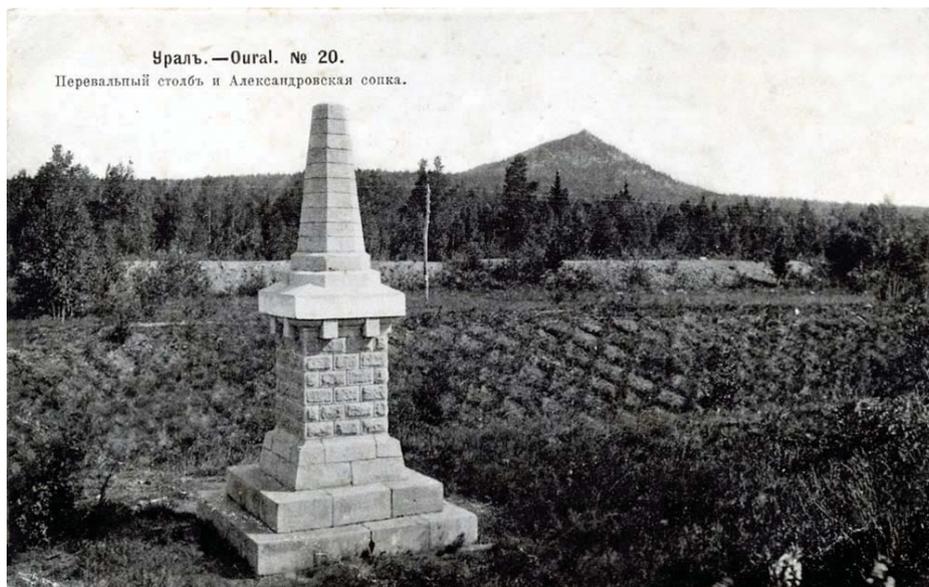
Или политика, массовое общество и деньги победили культуру?

А в Германии? Там же и Гёте, и Шиллер, и Томас Манн, а в результате у власти Гитлер.

Все ответы на эти вопросы слишком банальны. Но вернемся к роману.

Что же было сделано великим режиссером? «Самый закоренелый враг нового театра, — писал рецензент “Красной газеты”, — не мог бы посоветовать Мейерхольду более неудачной пьесы». Впрочем, качество пьесы не очень волновало режиссера. Отрицая в то время театр, который выполняет лишь эстетические, отвлеченно-художественные задачи, требуя от него общественного назначения, Мейерхольд с большой находчивостью и чувством современности мог преобразовать любой сюжет. В данном случае он заключался в том, что американские капиталисты задумали разрушить Европу и для этого организовали специальный «Трест Д. Е.», которому удалось покорить весь континент за исключением территории Советского Союза, где в это время совместно с Коминтерном была создана под видом «Радио-треста СССР» организация для постройки туннеля между Ленинградом и Нью-Йорком. И в то время, когда «Трест Д. Е.» готов был торжествовать свою победу, прошедшая по этому туннелю Красная Армия вместе с американским пролетариатом захватывает Нью-Йорк» [Попов, 1995].

Бредовая фантазмагория. Побезумнее, чем фантазм эренбурговского «Треста». У Эренбурга гибнет Европа, то есть разыгрываются уже не раз звучавшие опасения. Гибнет и европейская часть России, которая, как мечтал когда-то Наполеон, вытеснена в Азию, в Сибирь.

Этот обелиск Европа — Азия примечателен тем, что стоит на Транссибе. Установлен вблизи станции Уржумка (Челябинская область) в 1892 году в знак завершения строительства участка Транссибирской железнодорожной магистрали. Пограничный столб сложен из гранитных тесаных «кирпичей», которые использовались в облицовке придорожных сооружений.

Автор проекта — инженер и писатель Н. Г. Гарин-Михайловский

Предпоследняя глава романа описывает такую ситуацию:

В горах Урала, там, где покоится пята ленивицы, стоял по-прежнему столб с надписью:

ЕВРОПА АЗИЯ

К этому столбу прибегали уцелевшие европейцы и суеверно обнимали его как некий талисман. Позади была необъятная пустыня, впереди благословенное царство — Россия, Азия, мир.

[Эренбург, 1962, с. 378]

Название последней главы «Зевс и Европа», где рассказывается о смерти Енса Боота, по сути дела, возвращает нас в мифологическое пространство.

Но что есть мифология? Мифология — это вневременная структура, своего рода парадигма бытия, то, что может случиться всегда. Это та страшная возможность, которая так или иначе определяет жизнь человеческого сообщества. А может ли человек ее изменить?

На это у меня ответа нет.

Список источников

Алданов Марк. Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников. М.: НПК «Интелвак», 2006. 607 с.

Бердяев Николай. Конец Европы // Бердяев Николай. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: Изд. Лемана и Сахарова, 1918. С. 117–126.

Герцен А. И. Письма к путешественнику // Герцен А. И. Избранные труды. Составитель, автор вступительной статьи и комментариев В. К. Кантор. М.: РОССПЭН, 2010. С. 612–648.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: в 35 т. СПб.: Наука, 2016. Т. 6: Преступление и наказание. 473 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: в 35 т. СПб.: Наука, 2021. Т. 10: Бесы. Роман в трех частях. 578 с.

Есенин Сергей. Железный Миргород // Есенин Сергей. Полное собрание сочинений в 7 т. М.: Наука; Голос, 2005. Т. 5. С. 161–172.

Ефимов Александр. Енс Боот опять влюблен... // Эренбург Илья. Трест Д. Е. М.: Терра — Terra, 1994. С. 265–270.

Ишков Сергей. Последние дни театра Мейерхольда // Московская правда. 2020. 7 января. URL: <https://mospravda.ru/2020/01/07/137469/> (дата обращения: 02.05.2023).

Маяковский В. В. 150 000 000. Поэма (1919–1920) // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Гослитиздат, 1956. Т. 2. С. 113–164.

Попов Вячеслав. «Даёшь Европу» // Петербургский театральный журнал. 1995. № 8. URL: <https://ptj.spb.ru/archive/8/in-opposite-perspective-8/dayosh-evropu/> (дата обращения: 02.05.2023).

Хомяков А. С. Мечта // Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л.: Советский писатель, 1969. С. 103.

Эренбург И. Г. Трест Д. Е. История гибели Европы // Эренбург И. Г. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Гослитиздат, 1962. Т. 1. С. 235–383.

Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Воспоминания в трех томах. М.: Советский писатель, 1990. Т. 1. 634 с.

References

Aldanov, Mark. (2006) *Armageddon. Zapisnye knizhki. Vospominaniya. Portrety sovremennikov* [*Armageddon. Notebooks. Memories. Portraits of contemporaries*]. Moscow: NPK “Intelvak”.

Berdyayev, Nikolai. (1918) “Konets Evropy” [“The End of Europe”], in Berdyayev Nikolai. *Sud’ba Rossii. Opyty po psikhologii voiny i natsional’nosti* [*The fate of Russia.*

Experiments on the psychology of war and nationality]. Moscow: Izdanie Lemana i Sakharova, pp. 117–126.

Gertsen, A. I. (2010) “Pis'ma k puteshestvenniku” [“Letters to a traveler”], in Gertsen, A. I. *Izbrannye trudy* [Selected works]. The compiler, the author of the introductory article and comments V. K. Kantor. Moscow: ROSSPEN, pp. 612–648.

Dostoevskii, F. M. (2016) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 35 tomakh. Tom 6: Prestuplenie i nakazanie* [The complete collection of writings and letters: 35 vols. Vol. 6: Crime and Punishment]. St. Petersburg.: Nauka.

Dostoevskii, F. M. (2021) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 35 tomakh. Tom 10: Besy. Roman v trekh chastyakh* [The complete collection of writings and letters: 35 vols. Vol. 10: Demons. A novel in three parts]. St. Petersburg.: Nauka.

Esenin, Sergei. (2005) “Zheleznyi Mirgorod” [“Iron Mirgorod”], in Esenin, Sergei. *Polnoe sobranie sochinenii: v 7 tomakh. Tom 5* [Complete works: 7 vols. Vol. 5]. Moscow: Nauka; Golos, pp. 161–172.

Efimov, Aleksandr. (1994) “Ens Boot opyat' vlyublen...” [“Jens Bot is in love again...”], in Erenburg, Il'ya. *Trest D. E.* [Trust D. E.]. Moscow: Terra — Terra, pp. 265–270.

Ishkov, Sergei. (2020) “Poslednie dni teatra Meierkhol'da” [“The last days of the Meyerhold Theater”], *Moskovskaya pravda*, 7 January. Available at: <https://mospravda.ru/2020/01/07/137469/> (Accessed: 02 May 2023).

Mayakovskii, V. V. (1956) “150 000 000. Poema (1919–1920)” [“150 000 000. The poem (1919–1920)”], in Mayakovskii, V. V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 tomakh. Tom 2* [Complete works: 13 vols. Vol. 2]. Moscow: Goslitizdat, pp. 113–164.

Popov, Vyacheslav. (1995) “Daesh' Evropu” [“You give Europe”], *Peterburgskii teatral'nyi zhurnal* [St. Petersburg Theater Magazine], 8. Available at: <https://ptj.spb.ru/archive/8/in-opposite-perspective-8/dayosh-evropu/> (Accessed: 02 May 2023).

Khomyakov, A. S. (1969) “Mechta” [“Dream”], in Khomyakov, A. S. *Stikhotvoreniya i dramy* [Poems and dramas]. Leningrad: Sovetskii pisatel', p. 103.

Erenburg, I. G. (1962) “Trest D. E. Istoriya gibeli Evropy” [“Trest D. E. The History of the death of Europe”], in Erenburg, I. G. *Sobranie sochinenii: v 9 tomakh. Tom 1* [Collected works: 9 vols. Vol. 1]. Moscow: Goslitizdat, pp. 235–383.

Erenburg, I. (1990) *Lyudi, gody, zhizn'. Vospominaniya v trekh tomakh. Tom 1* [People, years, life. Memoirs in three vols. Vol. 1]. Moscow: Sovetskii pisatel'.

Информация об авторе: Владимир Карлович Кантор — доктор философских наук, ординарный профессор, главный научный сотрудник, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога, главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский

диалог». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, каб. 215.

Information about the author: Vladimir K. Kantor — DSc in Philosophy, Full Professor, Chief Research Fellow, the Head of International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Editor-in-Chief of the journal “Philosophical Letters. Russian and European Dialogue”. National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 215, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.05.2023;
одобрена после рецензирования 01.06.2023;
принята к публикации 10.06.2023.

The article was submitted 03.05.2023;
approved after reviewing 01.06.2023;
accepted for publication 10.06.2023.